

А.Б. Ланцова

Василий Васильевич Голицын

Голицын Василий Васильевич — персонаж романа А.Н. Толстого «Петр Первый», ближний боярин, князь, канцлер, оберегатель государственной печати.

Василий Васильевич женат. Жена Авдотья и взрослый сын Алексей живут в подмосковном имении Медведково, видится он с ними редко. Все его время отдано царственной любовнице — царевне Софье.

Князь хорош собой, «красив», «красавец». Он вызывает восхищение и любовь Софьи. На европейский манер Голицын бреет бороду, носит усы. Его «матовые щеки» особенно заметны, когда он всхлипывает, «как девушка» (разговор с Софьей о боярах, которые смеются на предлагаемые им реформы). У князя длинные ресницы, лазоревые глаза. «Ох, красив. Да слаб, жилы тонкие — женские...» — замечает Софья.

Сам Василий Васильевич живет в Москве на своем дворе напротив Охотного ряда. Внешний вид и внутреннее убранство его дома и двора примечательно: стены дома от крыши до земли обиты медью, «у входа на персидских ковриках стоят два рослые мушкетера — швейцарцы, в железных шлемах и панцырях из воловьей кожи». Другие два мушкетера охраняют «сквозные золоченые ворота»; широкий двор выложен цветными плитами, здесь стоит пышная, «вся в стеклах», карета, запряженная рыжей четверней. «Медно сияющий дом», убранство двора, сытые лица швейцарцев приводят в изумление толпу, которой не доводилось видеть такого.

Не меньшее любопытство и удивление вызывает убранство дома у гостя Голицына, иностранца из Варшавы, де Невилля. «На стенах, обитых золоченой кожей», висят парсуны (портреты) князей Голицыных «ив пышной венецейской раме — изображение двуглавого орла, державшего в лапах портрет Софьи». «Французские — шпалерные и итальянские парчовые кресла, пестрые ковры, несколько стальных часов, персидское оружие, медный глобус, термометр аглицкой работы, литого серебра подсвечники и паникадила, переплеты книг и на сводчатом потолке — расписанная золотом, серебром и лазурью небесная сфера» — отражаются в многочисленных зеркалах, в простенках и над дверьми. Это великолепие дополняют предметы, характеризующие занятия Голицына: свитки и тетради, латинские книги в пергаменте, карты и архитектурные чертежи.

Де Невилль «с одобрительным любопытством» оглядывает «сие наполовину азиатское, наполовину европейское убранство». Изысканностью отличается князь и в одежде: у него всегда «тонкое белье в кружевах», французское платье сшито по последней моде. Правда, даже Софье кажется, что он «смешно вырядился».

В общении с людьми Василий Васильевич чаще всего замкнут, лишь с иностранцами он откровенен и разговорчив. С русскими вельможами, царевной-правительницей Голицын сдержан. Он прикрывает рукой глаза, рот, чтобы не выдать своих чувств.

Князь одинок в своих намерениях реформами преобразовать жизнь в России. Его труд «О гражданском житие или поправлении всех дел, яже надлежит обще народу...» вызывает восторг у де Невилля. «Великое и многотрудное дело, ежели бы народ весь обогатить», — говорит Василий Васильевич. Он видит один путь: «...всю землю у помещиков взять и посадить на ней крестьян вольных..., все прежде бывшие кабалы разрушить...» Дворяне, по его мнению, «за службу получают жалование». «Более чем вдвое должен подняться доход государства», — подводит он итог предлагаемой реформы. Де Невилль восхищен планами Голицына: «...История не знает примеров, чтобы правитель замышлял столь великие и решительные планы...». «Мнится — слышу философа древности», — восторгается он. Князь скромно опускает глаза в ответ на такую похвалу.

Дома его планы и «мысли светлые» (Софья) никто не разделяет, более того, они вызывают откровенный смех и издевательство окружающих. «Уж здоров ли головкой князюшка-то...» – передает недовольная Софья мнение бояр. В такой ситуации Василий Васильевич здраво оценивает свое положение, свои силы реформатора: «Говорить, убеждать, сопротивляться — все равно было без пользы».

Голицын по требованию царевны организует и проводит Крымскую военную кампанию. Собирая дворянское ополчение, он «рассылает грозные указы», грозит «опалой и разорением». Однако с самого начала реакция помещиков однозначна: «То дело Голицыных, — на чужом горбе хотят чести добыть». Так же воспринимают военный поход на юг и войска. Василий Васильевич как политик медлителен, неинициативен. Он заключает удачный договор с поляками о возвращении Киева, но теряет свой авторитет полководца в войне с ханом.

Голицын честолюбив. Он болезненно реагирует на «нерадостные вести из Москвы о насмешках и слухах (Черкасского Михаила Алегукевича, патриарха Иоакима, который выбросил из церкви его подарки). Голицын страшен в гневе. От безысходности, бессилия изменить что-либо он напивается пьян и рубит саблей «пустую темноту». Усиливают его неудовлетворенность и смуту в душе недобрые знамения (вой волков, «говорящий» козел, падеж лошадей).

В столкновении с боярами государственные интересы Голицын ставит выше личных. «Не менее вашего о государстве болею», – говорит он, повышая голос и ударяя перстнями по кольчуге. Бояре же только ищут способ выкачать деньги из народа и предлагают наложить подать на лапти. Чрезмерное негодование Голицына проявляется после предложения бояр. Нарушая принятый порядок в Думе, он вскакивает, стучит тростью, гневно бросает присутствующим резкие слова: «Безумцы! Нищие — бросаете в грязь сокровище! Голодные — отталкиваете руку, протянувшую хлеб... Да что же, Господь помрачил умы ваши?... Во всех христианских странах... жиреет торговля, народы богатеют, все ищут выгоды своей... Лишь мы одни дремлем непробудно <...> Как в чуму — розно бежит народ, — отчаянно <...> Скоро пустыней назовут русскую землю! Приходи швед, англичанин, турок, — владей...»

У князя нет единомышленников. Его поддерживают Софья и боярин князь Федор Юрьевич Ромодановский, который считает, что иноземцы должны помочь завести в России «железное дело, полотняное, кожевенное, стекольное., флот». От отчаяния Федор Юрьевич выговаривается, но сразу же сдается, не видя возможности переубедить бояр: «А, да ну вас, — приговаривайте, мне все одно...»

Голицын легко переносит лишения походной жизни, стремясь и в полотняном шатре устроиться удобно. «Сняв платье, разувшись, лежа на коврах; он читает по-латыни Плутарха. Великие тени полководцев укрепляют бодростью его «угнетенную душу».

Ропот полков, брожение среди казаков, выборы нового гетмана, страдания и лишения подогревают его уязвленное самолюбие. В состоянии возбуждения он бежит по степному кургану, бросает казакам обидные слова: «Давно вижу — казаки не с охотой идут с нами., крымскому хану, небось бодрей служили». На замечание гетмана Самойловича о том, что после пожара нельзя войску идти по мертвой степи, Голицын гневно бросает: «Мне отступить!» Чуть остыв, смиряя гордость, со слезами на глазах он говорит: «Кто пойдет против руки Господней... Не боюсь смерти, но боюсь сраму., что делать?» Отступление к Днепру для него равносильно поражению.

Князь возвращается из Крыма, не довершив дела. «Бесславный воитель, мрачный, как ворон», Голицын не решается бороться за судьбу трона, свою карьеру. Он видит, что стоит перед выбором: «либо уходить от дел со срамом, либо кровью добывать престол». Поп Сильвестр, Федор Левонтьевич Шакловитый подговаривают его идти на Преображенское, но Голицын не решается на этот шаг. «Бог дал жизнь, один Бог у него и отнимет», — говорит он им.

Князь больше всего боится позора. В состоянии смятения он готов слушать пророка, колдуна Ваську Силина, «глаза которого горели неистовым озорством». Голицын решается ехать к Петру с повинной, как ему советует брат. Князь мысленно вглядывается в лицо своей былой славы. Это лицо царевны Софьи. «От недавней славы — один стыд», — думает Василий Васильевич.

Голицын в последний раз катит по Москве с шиком, на шестерике. В своем имении все кажется ему подозрительным: «больно уж низко кланяются. Торопливы, суетливы». Перед сыном Василий Васильевич старается держаться бодро, успокаивает его, видя «испуганное лицо» Алексея, чувствуя, как тот «дрожит коленкой». Однако, после ухода сына, у него «морщинами собралось лицо, оттянулись мешочки под веками, отвалилась губа». Князь надеется оправдаться перед государем, рассказать о своем усердии в служении Отечеству. Однако ему приходится по дороге в Троицу вновь пережить свое падение, услышать насмешки стрельцов. От позора Голицын взбегает «бегом на митрополичье крыльцо». Его не допускают к царю, а неизвестный дьяк читает грамоту о лишении Голицына «чести боярства». Плохая лошаденка тащит телегу с князем из Лавры в ночь («с женой и детьми на вечную ссылку в Каргополь»).